

СЕРГЕЙ ДАНИЛОВ
ПЕВЕЦ ОБЫДЕННОЙ
ЖИЗНИ
СТИХИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Данилов
Певец обыденной жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69347650

SelfPub; 2023

Аннотация

Рифмованные размышления о прошлом и будущем, о жизни и любви, поэтические переживания о быстроте и необратимости времени, лирические оценки пережитого.

Содержание

Время – словно зыбучий песок	7
Маленькая церковь	7
Паркур счастья	8
Яркая свежесть	9
Завидный предок	10
Поезд везенья	12
Интимный закат	14
Цветы жизни	15
Для счастья	16
Вручённая душа	17
Обветшала калоша	18
Мгла забвения	20
Перевод	22
За плату	24
Твоя дорога	25
Под добровольным арестом	28
Пенсионный кровоток	30
Исповедь гастарбайтера	32
Бонусные годы	33
Я родом из СССР	36
Ансамбль жизненных мелодий	38
Электронный дневник	38
Раздрай	39

В пивной автопоилке	41
Людская хищность	42
На проклятой планете	43
Серьёзная дилемма	45
Затаившийся	47
В клетке	48
За решёткой	49
О русалках	50
Стекло моей памяти	51
Воспарение	53
Сок и слёзы	55
Калейдоскоп мироздания	56
Тамбовская нирвана	57
Последний ужин	58
Бедные и богатые	61
Учёный джинн	62
У последней черты	65
Мулен Руж	66
Череда благоразумий	67
Главный хруст	68
Ожерелье опасных признаний	69
Самогон	69
Яд ревности	70
Уединенье в толпе	72
Стопудовый залог	74
Жизненный путь	76

Гроши неверья	78
Вены напрасных обид	80
Сиротское счастье	81
В ожидании тепла	82
Запятая	84
Кино юной жизни	85
Дьявол и бесы	86
Эклектичный	88
Нейросеть	89
Черты любимого лица	90
Волшебный полёт	92
Язык поэта	93
Гравёр человеческих душ	94
Звёзды всепрощения	94
Аудит жизни	95
Прощание с диетой	97
Москва молодая	99
Обезвоженный	100
Демон постели	101
Роботизация	103
Робот-попрошайка	104
Герой архаичной пьесы	105
За водкой	107
Предчувствие весны	108
В сетке ажурных чулок	109
Монолог боли	111

Засыпание	113
Умиротворение	114
В чулане	115
Всё относительно	116
Ваятель настроения	117
Потомственный пират	119
На нудистском пляже	121
Бонус	122
Садовник несбыточных планов	123
Золото листвы	123
Птенец полночных сказок	124
Лиричный балласт	126
Ночью	127
Матёрый ловелас	128
Тяжкий быт	130
На заре	132
Старый писака	133
Градусник	134
Программистки	135
Мужской желудок	136
Распустившийся	137
Грядущее лето	138
Брошенная перчатка	140
В подозрную трубу	141

Сергей Данилов

Певец обыденной жизни

Время – словно зыбучий песок

Маленькая церковь

Церковь шеей лебединой
В небо тянется настырно,
Рядом с блочною машиной
Утончённа, ювелирна.

Дом съедают дрызги, склочность,
Жизнь короткая мятежна.
В белых стенах – непорочность,
В блеске маковки – надежда.

Паркур счастья

Постарайтесь забыть потускневший афронт,
Разорвать кандалы зачерстневших обид,
Раскрывать над собою прощения зонты,
Чтоб не мучил ночами болезненный стыд.

Обуздайте в душе несусветный раздрай,
Псов-упрёков отправьте пинком в конуру,
Раздарите весёлых остроумных урожаи
И спалите в камине веселья хандру.

Научитесь дарить незнакомцам добро,
Расточать безвозмездно улыбки в толпе,
Пусть любезности вашей блестит серебро,
Золотые слова расцветают в мольбе.

Вот тогда воцарится спокойствия штиль,
Перестанет тревожить багровый сундук,
Треволнения последуют клином в утиль
И наполнится радостью счастья паркур!

Яркая свежесть

Листья падают – жёлтые слёзы,
Скоро снег полетит – белый пух.
Я, подобно ажурной мимозе,
К завываньям безрадостным глух.

Не приемлю тоску увяданья,
Развожу вдохновенья цветы,
Поливаю водою вниманья
Пестролистные клумбы-мечты.

Зеленею порой листопада,
Бриллианты желаний храню,
Посреди депрессивного смрада
Ароматом стремлений пьяню.

Грустной осенью пестую нежность.
Мне с упадком бороться не лень,
Чтоб любовную яркую свежесть
Подарить тебе в мартовский день.

Завидный предок

Ковром нетканым вдоль тихой речки
Снег укрывает поля зимою.
Дед, не желая лежать на печке,
Идёт на лыжах ночной порою.

Сняв беговые, он может в горы
Махнуть, решенье приняв нетрезво,
Дать малолеткам на трассе форы,
Весь день по склонам носиться резво.

Машину водит он, как Шумахер,
Хотя повсюду довлеют пробки.
Дед посылает заторы на хер,
Считая: внуки излишне робки.

Он то на сапе, а то на яхте
Седым пиратом гарцует в море.
Порой поддатый стоит на вахте
И фееричен в хмельном задоре.

«Остепениться пора, папаша!» —
Собравшись, просит семья занудно.
Он унывает без ералаша
И вновь готовит к походу судно.

Эх, мне бы в детстве такого предка,
Чтоб под ногами асфальт дымился!
Кто до отказа жмёт на гашетку...
Я им полвека назад родился.

Поезд везенья

Я ехал в поезде везенья
Довольно много лестных лет.
Блестели в рамках достиженья,
Семейный полнился бюджет.

Я начал с общего вагона —
Жить в коммуналке довелось.
Там за окном гнила промзона,
Тянулись будни вкривь и вкось.

Потом – удобная плацкарта,
Свой личный угол. Боже мой!
В объятьях пылкого азарта
Собой гордился и страной.

Удача – ревностная птица —
Не изменяла мне тогда:
Я смог в купе переселиться,
Пришла успехов череда.

Мой быт представлен был достойно:
Дверь с зеркалом, бельё, уют.
Работа, правда, беспокойна,
Зато сполна оплачен труд.

Скопились акции, валюта.
СВ раскрыл объяття мне.
Начав с невзрачного дебюта,
Не задержался я в говне.

Достиг приличного размаха,
Собрал солидный капитал...
Не избежал, спесивец, краха
И в одночасье проиграл.

Коллеги отвернулись разом,
Жена ушла в другой вагон.
Я встречен был везде отказом,
Взирать осталось на перрон

Из тамбура у туалета,
Где бил ребордами состав.
А счастья тень от турникета
Неслась в другую жизнь стремглав.

Интимный закат

Море закатное, словно мечта:
Тёплое, влажное и возбуждает.
Ранняя в небе маячит звезда,
Бледной копеей Луна проступает.

Солнце интимно играет в волнах —
Алый язык теребит губы моря.
День нежно сумерки лижет впотьмах,
Ласкам светила фривольного вторя.

Цветы жизни

Дети – жизни цветы – повзрослели,
Есть у них тоже дети, дела.
Получается, мы постарели,
Хоть пока не сгорели дотла.

Что осталось от нежного сада?
Поздравленья раз в год и звонки.
Бесполезных забот кавалькада,
Сообщений скупых пустяки.

А на клумбах бывшего веселья
По-сиротски зияет земля —
Подшофе или в лапах похмелья,
Возвращение счастья суля.

Где плоды бесконечных метаний,
Результаты бессонных ночей?
Подменил их поток обещаний
И визиты ненужных врачей.

Для счастья

Для счастья нужен тёплый ветер,
В лицо способный бить открыто,
С любимую интимный вечер,
Закат в цветах александрита.

Для счастья нужен шум прибоя,
Плеск волн раскатистый, игривый,
Точёных кипарисов хвоя,
Мимозы запах прихотливый.

Для счастья нужен звёздный трепет,
Луны полночное сиянье,
Ночных небес негромкий лепет
И Млечного Пути мерцанье.

Для счастья нужен жар камина
И свечи в подожжённых платях,
Чтобы подобьем парафина
В моих ты таяла объятых.

Вручѐнная душа

Я сдаю свои отпечатки пальцев
На биометрический паспорт, визы.
Мне чужды предубежденья, капризы.
Я из разряда чудных постояльцев
В этом безмерно запутанном мире,
Готовых часами сидеть в сортире,
Сдавать анализы мочи и кала,
Если надо, крови из пальца, вены,
Принимать витамины, коллагены,
Ждать команды и любого сигнала,
Лишь бы не трогали тонкие души,
Лезли с палочкой в рот, нос, даже уши,
Прослушивали важно стетоскопом,
Записывали в карту результаты —
Томительно, долго, как бюрократы, —
И обсуждали диагноз всем скопом.
Не разбираясь, что творится в душе,
Вручѐнной однажды моей госпоже.

Обветшала калоша

Я плесневею день за днём,
Хоть выгляжу пока прилично.
Давно духовный был подъём,
Теперь распад идёт отлично.

Пропал бесследно романтизм,
Его сменила прагматичность,
Явился с нею фатализм
И неприкрытая циничность.

Исчез лиричности мотив
И беллетристики аккорды,
Мечты отправлены в архив,
В фаворе глупые кроссворды.

Опаутиненность во всём,
Повсюду кандалы и путы.
Я не иду, ползу червём,
Забыв прогресса атрибуты.

Доверья опустел сосуд,
Иссяк фонтан блестящих планов,
Пустых обид раскрыт талмуд,
Мир видится толпой баранов.

Черствею прямо на глазах,
Теряю сострадания соки
И не витаю в дерзких снах,
Подверженный пустой мороке.

Я высыхаю, но кроплю
Себя надеждой небывалой:
Быть может, сдюжу, воспарю
Калошей в небе обветшалой.

Мгла забвения

Время, словно зыбучий песок,
Поглощает события, детали.
Мы с тобой вечерам мечтали,
В клубах слушали джаз, реже рок,
В переулках Арбата плутали,
Посещали зимою каток,
Пили в местных палатках глинтвейн,
Уезжали на юг дикарями,
Взяв с собою тушёнку, салями,
Там вкушали мускат и портвейн,
Ощущали себя королями.
А теперь пресловутый блокчейн
Оплетает, как спрут день за днём,
Несуразная фраза «биг дата»
Непонятна и витиевата,
Мы о ней непрерывно поём,
Два неверных устава солдата.
Будто клячи, что сдали внаём,
Тянем некогда взваленный груз,
Позабыв про анналы, истоки.
В нас ещё бродят радости токи.
Помним съеденный ложкой арбуз
На камнях, и смешные зароки,
И противность слюнявых медуз.
Дни прошедшие, словно кино,

Чёрно-белая мутная плёнка.
Есть тут школа, уроки, продлёнка,
На бульваре игра в домино,
На локтях и коленях зелёнка
И призывные крики в окно:
«Я сказала, немедля домой!»
Большинство же событий затёрто,
Мы не помним почти что ни чёрта.
Время-лекарь – проблеме виной,
Оно память, как после аборта,
Наказало забвения мглой.

Перевод

Я перевёл тебе на счёт
Бюджет на срочные расходы.
Увидев банковский отчёт,
Задумался. Бегут ведь годы!

Мы в мелкой, праздной суете
Тепло теряем и влечение,
В заботах, словно в хомуте,
Ведём ненужные сраженья.

Я должен был послать тебе
Букет улыбок несравненных,
Сыграть признание на трубе
Из нот предельно откровенных.

Доставить радости аккорд,
Картину в красках обоюбья,
В тонах признания офорт
И возбуждённое дыханье,

Безумной страсти аромат,
Покров рачительной заботы,
Весенней бодрости каскад,
Беспечность солнечной субботы,

Воздушный, нежный поцелуй,
Халву взаимности радушной,
Благополучия фэншуй,
Миролобивый нрав послушный,

Горящий вождельем взгляд
И наслаждения чрезмерность,
Интимных мыслей шоколад,
Безоговорочную верность!

Вот это – был бы перевод
Между влюблёнными сердцами!
А я, бездушный идиот,
Лишь одарил тебя рублями.

За плату

По платной дороге поездка быстрее,
Покрытие лучше и мусора нет.
С продажной женщиной спать веселее,
Намного приятней и дольше минет.

Твоя дорога

На что потратить ярый пыл,
Пока есть силы для разврата,
Костёр душевный не остыл,
Жизнь исступлением чревата?

Куда направить острый взор
Сквозь линзы в роговой оправе?
Свозить метрессу за бугор,
Предаться чувственной забаве?

Где можно встретить аромат
Упругого, в расцвете, тела,
Забыть на время, что женат,
Существованье потускнело?

Как, терпкой страсти выпив вкус,
На языке нести желанья,
Греховный пагубный искус
И эйфории очертанья?

Когда оргазму волю дать,
Чтобы соседям стало тошно
И жаркий крик им дал понять
Насколько в сексе всё роскошно?

Не надо тратить поздний пыл
На сублимацию разврата —
Костёр в душе давно остыл,
Жизнь переломами чревата.

Уставить стоит мутный взор
Поверх надтреснутой оправы
Не на поездки за бугор,
А на опухшие суставы.

В больницах стоек аромат,
Там столько выцветшего тела!
Один богат, другой женат,
У всех решимость потускнела.

Таблеток ежедневных вкус
Гнобит последние желанья.
Пройти анализы – искус.
Маячат тризны очертанья.

На службе с криком наезжать,
К коллегам придирается можно,
Чтоб подчинённым дать понять:
Их перспектива не роскошна.

Здесь – правда жизни, там – мечты.
Они расходятся немного...
Подумав, должен выбрать ты,
Куда ведёт твоя дорога.

Под добровольным арестом

Я засыпаю в ночи довольно сытый,
А просыпаюсь порой с чувством голода,
Иногда от жары, чаще от холода,
Бреду на кухню, вялый и неумытый.
Голова сновиденьями расколота.
Нахожу кусок хлеба полузабытый,
Плетусь неторопливо обратно в спальню,
Совершив малое турне по квартире.
Я одновременно в конторе, в трактире,
Устроил себе стадион и читальню,
Участвую даже в каком-то турнире,
По клавишам неистово барабаню,
Не отрываясь от обеда, ужина
Или внеочередного перекуса.
Ем, как кашалот, не ощущая вкуса.
Одежда моя давно не утюжена.
В короткой щетине лицо седоусо,
Выглядит вяло, нескладно, простуженно.
Кого-то лишают желанной свободы,
Он временно должен торчать за решёткой.
Мне сбегать лениво за пивом и водкой,
Ведь их доставляют в любую погоду.
Ходить, словно зэк, стал тюремной походкой,
Себя заточив добровольно на годы
В хорошей квартире, в престижном районе.

Домашний арест продолжается скромно,
Но если нарушу закон вероломно —
Не буду тянуть долгий срок я на зоне.
Присудят мне следовать в город огромный,
Покинув комфортный мир в новом смартфоне!

Пенсионный кровоток

На мансарде – забытая мебель,
Разъедает стропила грибок,
Шкаф громоздкий – невольный свидетель,
Сколько хлама накоплено впрок.

В нём хранятся коньки беговые,
Ровной стопкой галоши лежат,
Вперемешку – носки шерстяные,
Фотографии милых котят,

Джинсы тёртые в краске, подтяжки,
Что давно отслужили свой век,
Две в глубоких царапинах фляжки —
Очевидцы ночных дискотек.

Лыжи пахнут остатками мази,
Клюшки ждут продолженья игры,
Гриф гитарный и книге о джазе —
В трупах некогда злой мошкары.

Телогрейки печального вида
Отдыхают от сельских работ,
Пузырёк со следами карбида,
В пятнах ржавчины коловорот.

Диски старые и киноплёнки
Здесь проводят безмолвно года.
Прежних кухонь остатки – клеёнки —
В трубки свёрнуты раз-навсегда.

Скарб бессильно в пыли затерялся —
Пенсионный безжалостен срок.
Я хочу, чтоб во мне улучшался
До последнего дня кровотока!

Исповедь гастарбайтера

Предупреждает Минздрав открыто:
Куренье очень небезобидно!
А мы таскаем куски гранита,
И не дымящих среди нас не видно.

Для женщин с пузом и малолеток
Уведомленья на этикетках.
Нельзя ни грамма – вот суть пометок.
А мы бухаем прям в спецжилетах.

Вредна азартность для государства,
Закреты клубы все абсолютно,
Но, невзирая на гнев начальства,
Мы забиваем козла прилюдно.

Пусть обыватель на нас косится:
Цветут пороки, мол, пережитки!
А кто в роскошной, крутой столице
Бордюр положит и тонны плитки?

Бонусные годы

Есть мнение, что алкоголь
Изрядно вреден для здоровья, —
В нём чистой пользы круглый ноль,
Пить стоит молоко коровье.

Так жизнь продлится лет на пять,
В хорошем случае – на восемь.
Возможно, будем провожать
Лет исчезающую осень,

Встречать дыхание зимы,
Рожденье правнуков уютных,
Прочтём, что лучшие умы
Писали в толстых книгах нудных.

Мне кажется, тут есть подвох,
Раскрою суть его спокойно.
Картина маслом: дряблый лох
С семьёй пытается достойно

Отметить сотый юбилей,
Или, точнее, сто двадцатый.
Средь приглашённых – шесть врачей,
С каталкой санитар горбатый.

Звучит торжественный аккорд,
Наполнив капельницы, клизмы,
Две медсестры заносят торт.
В свечах играет пламя тризны.

Бравурных тостов сериал,
К несчастью, слабая подмога,
Поскольку Паркинсон, нахал,
Трясёт его рукой убого

И проливает, гад, бокал,
Как кегли, падают фужеры.
Мерещится тупой скандал.
Толкаются пенсионеры.

Герой в раздрае: кто они?
Альцгеймер затуманил лица.
Часть понаехавшей родни?
Когда успели появиться?

«Зачем в помаде дамы тут? —
Шипит Деменция коварно. —
Того гляди, пальто сопрут,
Хватают за руки вульгарно,

Пытаются поцеловать.
Всем нужен бесподобный мачо!
Сейчас начнут тянуть в кровать,
А на столе икра, карпаччо».

Гора подарков застит свет:
Расходомер, для праха урна,
Коляски гоночной макет,
Исполненный совсем недурно,

Помощник-робот, автоклав,
Сияющий оптимистично,
Набор целебных горных трав.
Всё максимально прагматично...

Нет, девять бонусных годов,
С отличной медициной – десять,
Тянуть лишь размазня готов.
А стоит по стакану врезать,

Пока огнём горят сердца,
Пока желания алеют,
Любить, кутить, не ждать конца.
Пусть замухрышки вяло тлеют!

Я родом из СССР

Мне не носили пиццу на дом,
Я родом из СССР,
Где было круто слыть завскладом
И только Зайцев – модельер.

Я собирал макулатуру,
На Яна и Дюма менял,
Кляня дурацкую цензуру,
Тайком Высоцкого читал.

Сдавал в пункт стеклотары банки,
Бутылки всюду собирал.
Кабриолетом были санки.
«Ну погоди!» мультсериал,

Единственный доступный в детстве,
Я беззаветно обожал.
В невольном жили все соседстве.
Порой под глазом цвёл фингал.

Нам разливали квас из бочки,
Возили так же молоко.
Шпана лелеяла заточки.
Рейтузы – местное трико,

Мы их стеснялись повсеместно.
Колготки штопали, носки.
До первой крови дрались честно.
В кружках творили мастерски.

Играли в «Чижика» и «Банки»,
Рогатки делали тайком,
Делили честно полбуханки,
Гоняли летом босиком.

Как губки, впитывали знания,
Всем классом бегали в кино.
Ходили скромно на свиданья.
Стучали громко домино.

Побед усердно добивались
В учёбе, спорте и труде,
За лучшим – иллюзорным – гнались,
Забыть пытаюсь о нужде.

Мы, сумасбродные побеги,
Сквозь бронь асфальта лезли вверх.
В веснушках тощие стратеги,
Не сомневались: ждёт успех!

Ансамбль жизненных мелодий

Электронный дневник

Если б мне завели электронный дневник,
Там стояла бы жирная двойка,
Потому что давно я, охальник, привык
Незамужних заманивать в койку.

Кумачовый алел бы истошный призыв:
«Непременно родителей в школу!
Обнаружился в мыслях сплошной негатив,
Нёс идейную нагло крамолу».

В замечаньях краснел бы любой божий день:
«Допускал возлиянья открыто,
Но при этом похмелье, цирроз и мигрень
Не берут, хоть убей, паразита».

Поведение – неуд! Кто нынче хорош?
Вы серьёзно вокруг посмотрите.
В этом мире гнилом не осталось святош.
Откровенность мою оцените.

Раздрай

Я с собою давно не в ладу,
У меня раздвоение личности —
То сгораю в любовном аду,
То стараюсь нахапать наличности.

Беспокойные письма пишу,
Ей звоню вечерами встревоженный,
Представляю, что всё сокрушу,
В монитор пялясь, точно стреноженный.

Добиваюсь её день за днём,
В шумном городе ловко преследую.
Ощущая душевный подъём,
На фривольные темы беседую.

После целые сутки подряд
Зашибаю деньжата немалые,
Осознав, что кругом виноват,
Извиненья готовлю линиялые.

Сам себе не могу объяснить,
Почему не сдержал обещание,
Но меняю любовную прить
На купюр разноцветных шуршание.

Возвращаюсь на замкнутый круг —
Отговорки, букеты раскаянья,
Неподдельный смертельный испуг,
Запоздалая бледность отчаянья.

Постоянно с собой не в ладу,
У меня расстройство личности —
Я, сгорая в любовном аду,
Заработал и жажду публичности.

В пивной автопоилке

Нам не давали «Гиннесс» в пабе,
Ирландским праздником гремя.
Мы без креветок и кольраби
Вкушали терпкий хмель стоймя,
С баранками в автопоилке
(Их с солью делали тогда),
Без ложки, ножика и вилки,
С сырком, под воблу иногда.
Не «Хольстен», «Харп» – «Ячменный колос»
Янтарно кружки наполнял.
У местных див такой был голос —
Стол под газетою дрожал!

Людская хищность

Людская хищность мне знакома.
Её презрительный оскал
Не теорема – аксиома:
Пестрит кровавый сериал.

Коллеги в офисе друг друга
Желают на кресте распять.
Готова сжечь отель обслуга
И с ним работу потерять.

Супруг мечтает в исступленье
Жену подушкой задушить —
Она его не ценит мнение,
Находит повод, чтоб корить.

Одна страна с другой воюет,
Вот трупы в цинковых гробах.
Тиран безжалостный пирует,
Посеяв в душах дикий страх.

Знакома мне людская хищность,
Свирепый бьющий блеск из глаз,
Борьба за скудную наличность
И миллиардный госзаказ!

На проклятой планете

Я на этой Земле в первый раз,
И события помню нечётко:
Космодром был, билетов заказ,
Запоздалая метеосводка.

Документы, наличность, дела —
Всё куда-то в дороге пропало.
Я допился почти догола,
Жил с бомжами в вонючем бунгало.

Осмотрелся и разбогател,
Навострил было лыжи обратно,
Но достался мне тяжкий удел —
Растерял капитал безвозвратно.

Вновь пришлось подниматься наверх,
Беспардонно работать локтями.
Засиял долгожданный успех,
Счёт наполнился снова рублями —

Тут то кризис, то крах, то провал.
Надоело карабкаться в гору.
Я готов был устроить скандал.
Оказалось, что по договору

Приобрёл невозвратный тариф,
Хоть уверен: меня обманули!
Я был смел, изворотлив, пытлив,
Не боялся магической пули,

Но на сраной планете застрял,
Что ни сделаю – заново в жопе!
Не на счастье, Земля, отыскал
Злой мой гений тебя в телескопе!

Серьёзная дилемма

Спят мирно в земле постояльцы могил,
У них решены все вопросы,
А я за квартиру недавно платил
И нервно курю папиросы.

Тариф за тепло увеличен вдвойне!
Обрезал в сердцах батареи,
Готовлюсь к осадной холодной войне,
Копая на кухне траншеи.

Я газовый вентиль сердито закрыл:
Начну заготавливать хворост.
Костёр разожгу, ведь в походы ходил,
Тем паче бездетен и холост.

Дороже стал свет уже в несколько раз!
Да лучше под небом лазурным
Из палок и веток устроить каркас,
Кров сделать из листьев – ажурным.

Приборы учёта и воду – долой!
Есть плавни, озёра и реки.
Нас душат всюю неподъёмной ценой
И шлют несуразные чеки.

Покойно в земле постояльцам могил —
Не злит ипотеки проблема.
Я в банке проценты квартал не платил.
Домой или в саван – дилемма!

Затаившийся

Клыки нельзя мне затупить,
И не обрезать когти тоже,
Ведь даже связанный на ложе,
О мести буду мысль хранить.

Предстану ангелом, смирюсь,
Прикинусь паинькой на время,
Но или в горло, или в темя
Обидчику, воспряв, вопьюсь!

В клетке

Приятно в клетке поётся птице,
Когда решили на ней жениться:
Не на кухне, не на подруге,
И не в подпитье, а на досуге.

Вольготно в клетке питаться птице,
Когда заставит остепениться
Пора заката. Чужды нимфетки,
А в рационе пестрят таблетки.

Комфортно в клетке живётся вместе
В объятьях жарких дневной сестры,
В тени заботы, любви, радушья,
Пока нет боли от равнодушья.

За решёткой

Решётка – жизни не помеха,
В избытке корм, свежа вода,
Найдётся повод для успеха
И плодотворного труда.

Конечно, есть ограниченья,
Малоприятен персонал,
Зато не душит размышленья
Всегдашний суетный аврал.

Пугают мысли об уходе —
Всем хочется года продлить,
Хотя порою на свободе
Опаснее гораздо жить.

О русалках

Чем привлекают нас русалки,
Задам нескромный я вопрос.
Не самобытностью рыбалки
И не изяществом волос,

Не чешуёй, в лучах блестящей,
А шансом видеть их нагих.
Пикантной тайною манящей:
Как ЭТО выглядит у них?

Вот у кентавров всё понятно:
Их «грех», так скажем, на виду,
Хотя кому-то неприятно
Смотреть на конскую елду.

Устройство здесь академично,
Способно зависть вызывать,
Для многих женщин – эротично,
Желанье будит лечь в кровать.

С русалками пока загвоздка:
В них женщины иль рыбы суть?
Взял старый невод – вертихвостке
Под хвост интимно заглянуть.

Стекло моей памяти

Помутнело стекло моей памяти,
На картинах любви – кракелюр,
Ход событий – в бушующей замети,
Забывается вкус авантюр.

Время якобы благостный лекарь,
Общепризнанный опытный врач,
При душевных недугах – аптекарь...
А мне кажется – грубый палач,

Что безжалостно губит на плахе,
Рубит головы сказочным снам,
Жить командует в трепетном страхе,
Застит путь к драгоценным следам.

Убивает легко впечатленья,
Ощущенья ведёт на костёр,
Гильотину спускает забвенья,
Отсекая видений набор,

Амнезии использует яды,
Загоняет в петлю забытья...
И восторг, и былые досады —
Всё скрывает годов кисея.

Затуманено зеркало памяти,
На романах былых – кракелюр,
Утонули в безудержной замети
Отголоски лихих авантюр.

Воспарение

Крылья сложены горбом —
Я горбатился чрезмерно,
Танком рвался напролом,
Подустал закономерно.

Мне не хочется в полёт,
Нету сил подняться в небо.
Грузно тянет бухучёт
И борьба за корку хлеба.

В устремленьях – круглый ноль,
Размышленья в паутине...
Но волшебник-алкоголь
Даст движение картине.

Заработают мозги,
Разухабятся суставы.
Я, забыв дела, торги,
Договоры и уставы,

Воспарю, творить начну,
Разрывая серость в клочья,
Позабуду седину
Разудалой бурной ночью,

Прикупив тирамису,
Залечу к тебе, играя,
И в объятьях унесу
В кущи сладостного рая.

Сок и слёзы

Гладил я весной берёзы
И топор в тела вгонял.
Сок по капле, словно слёзы,
В банку медленно стекал.

Я тебя ласкал тревожно,
Ревности вонзал кинжал.
Обречённо, безнадёжно
Слёз ручей, как сок, стекал.

Калейдоскоп мироздания

Люблю стволы кривых осин
И запах от ольхи в камине,
Кровавость алую рябин,
Закаты цвета турмалина.

Я обожаю сонный лес,
Его тревожную беспечность,
Нахмуренность седых небес,
Листвы резную безупречность.

Чарует грация берёз,
Смолистость сосен длинноногих,
Я припадать готов всерьёз
К корням бугристым елей строгих.

Пленяет взор аквамарин
И безмятежность увяданья,
Чередование картин
В калейдоскопе мироздания.

Тамбовская нирвана

В Латинском квартале – нерусские лица,
На русской непросто французу жениться.
Проблемно добраться теперь до Парижа,
Страдают от санкций адепты престижа.
Кто раньше гулял по Полям Елисейским,
Теперь марширует по пашням плебейским.
Для редких туристов доступна Гавана.
В отелях Тамбова ждёт гостя нирвана.

Последний ужин

Последний ужин знаменитый
Мы провели в кафе на «вы».
Стыл в кружках кофе недопитый.
Не поднимал я головы.

Свечу взаимности задули
Мы без особенных шумих.
Лишь вы, рождая фразы-пули,
Прицельно выпускали их:

«Куда направитесь теперь вы
Без вспоможений, милый мой:
Жрать непотребные консервы
В обнимку с тощею нуждой?»

Писать романы, жечь их в топке —
Ведь музам скаредность чужда?
Потом прикладываться к стопке,
Гордиться: вы – суперзвезда,

Неоценённый миром гений,
Опередивший в мыслях век,
Терпеть колючки унижений,
В землянке гнить, как дровосек,

Поскольку денег на квартплату
Вам никогда не наскрести?
Надежды нету на зарплату!
Коль вы решите приползти,

Упасть в слезах повинно в ноги,
Не допущу, негодник, вас.
Навеки разошлись дороги,
Ваш путь тернистый без прикрас!»

Вы удалились, бросив: «Чао!»
Чтоб растворился дискомфорт,
Я заказал стакан какао...
И поспешил в аэропорт.

Был обеспеченным на годы,
Настало время мне творить,
Поскольку левые доходы
Не смогут больше к вам уплыть.

Что вы укрыли от налогов —
Я перевёл себе на счёт,
Без кражи, взлома и подлогов,
Пройдя ударно бухучёт:

Зубрил бессонными ночами,
Научный страстно грыз гранит,
Ходил на курсы вечерами,
Освоил твёрдо аудит.

Успех и слава ждут поэта,
Престижных премий череда.
Даю бесплатно два совета:
Везде учитесь и всегда!

Бедные и богатые

Богатые с бедными рядом живут,
И можно сказать, что довольно похожи:
У многих есть хобби и доблестный труд,
Имеют подруг и любовниц на ложе.

У тех и других – неудачи в делах,
Приятные взлёты, проблемы здоровья,
Стремление меньше погрязнуть в грехах,
Мечтанья заняться свободной любовью.

Планета одна и заботы одни:
Детей воспитать, наглядеться на внуков,
Смеяться в кругу разношёрстной родни,
Друзей привлекать к проведению досугов.

Конечно, отличья прекрасно видны
В размерах квартир и наличии заводов,
Но смотрит любой сумасбродные сны
И в землю уйдёт, как пришёл, – без доходов.

Богатые с бедными рядом живут,
Последним обидно: мол, Крёзы неправы —
Досталось им больше счастливых минут...
Но Бог даже в поле не выровнял травы.

Учёный джинн

На дне бутылки спал спокойно
Давно в неё закрытый джинн.
Тянулась жизнь его застойно,
Для жалоб не было причин.

Мир злился бурями протеста,
А у него – достойный быт.
В силках домашнего ареста
Одет, обут, напоен, сыт.

Он обустроился отлично,
Знал наизусть стихи, Коран
И развивался методично,
Ведь только конченный болван,

Сидя столетья в одиночке,
Упустит случай стать умней.
Придирчиво, по каждой строчке,
Учился сотни январей.

Вдруг откупорили посуду.
Он отказался выходить,
Поскольку про налоги, ссуду
Любого сам мог просветить.

Ценил историю, науки,
Любил считать и сочинять,
Осознавал – сейчас от скуки
Все будут взад-вперёд гонять:

Попросят золота и пива,
Закажут девок и вина...
А у него безмерно чтива,
Блестящих мыслей глубина.

Придётся каждый час за водкой
Мотаться в местный магазин,
Тупицу радовать зачёткой,
Скупца – собранием картин.

Дать гордецу обилье власти,
А бесталанности – успех,
Искать для тюнинга запчасти,
Избавить бизнес от помех.

Катать на яхте и в болиде,
Чинить летающий ковёр,
Принять участие в корриде,
Доходы вывести в офшор.

Бездарность сделать примадонной,
Соседу подложить свинью,
Помочь с задачей нерешённой,
Устроить телеинтервью.

Отведав сладостной свободы,
Джинн пробку в горлышко вогнал.
Раз в мире царствуют уроды,
Он путь затворника избрал!

У последней черты

Всё теперь, дорогой, бесполезно,
Я дошла до последней черты.
И ворота открыты любезно,
И склонились в поклоне кресты.

Завершилась пора воркованья,
Мы, обрюзгшие, стали не те.
Тошнотворные иглы страданья
Я терпела одна в темноте.

Боль терзала меня ежечасно,
Колобродила ужасом ночь.
Приняла я решенье негласно,
Чтоб не знали ни ты и ни дочь.

Спохватились врачи слишком поздно —
Метастазы-грибы тут и там.
Потому столь покорно, бесслёзно
По пустынным ходила церквам.

Причитать, милый мой, бесполезно,
Я стою у последней черты.
И меня провожают любезно
На соседних могилах кресты.

Мулен Руж

Мелет Мельница азартно
Похоть в мелкую крупу.
Развлечение стандартно:
Посмотреть на худобу

Эталонных тел прекрасных,
Бесподобный макияж,
В тканях шелковых, атласных
Кургуазный антураж,

Мельтешенье стройных ножек,
Эротичные чулки,
Блеск сапог и босоножек.
Наслажденью вопреки,

После кратких возлияний
На насест забраться свой,
В круг привычных причитаний
Располневшей дорогой

В тёплом байковом халате,
В тапках, сношенных носках.
И, мечтая о развороте,
Воспарять в мечтах впотьмах.

Череда благоразумий

И не расскажешь никому,
Что на душе порой творится.
То в ней поэзии жар-птица,
То мозг рождает бред и тьму,
Такую – путь прямой в тюрьму
Или надолго в психбольницу,
Чтоб не наделать худших дел —
Кровавых, каверзных, коварных.
Среди стихов высокопарных
Порой мелькает беспредел.
Спасает горестный удел
От похвальбы и дум базарных.
Он гонит на работу, в путь,
Вмиг отвлекает от раздумий,
Былых обид, оживших мумий —
И заменяет жизни суть
На бытовую, в склоках, муть
И череду благоразумий.

Главный хруст

Главный хруст для меня – не бретельки бюстгальтера,
Не исподнего шорох волнует белья,
Мне приятней скорее работа бухгалтера,
За растрату и кражу наличных статья.
Шелест свежих купюр – точно песня интимная,
Запах новенькой краски – вот мой феромон,
Плодотворна симпатия наша взаимная,
Производит повышенный тестостерон.

Ожерелье опасных признаний

Самогон

Приличные запасы самогона —
Домашний термоядерный актив —
Мне экономят в год полмиллиона,
Играют жизнерадостный мотив,

Феерию привносят в серость будней
И зажигают радости огни.
Я становлюсь свободней, безрассудней,
Легко сношу кишение родни,

Фон новостной, предельно негативный,
Мешающий расслабленно дышать,
Готов открыть фонтан ненормативный,
Людей глаголом хлётко поливать.

Поскольку под влияньем самогона
Во мне душа отчаянно парит,
Я предстаю исчадием дракона,
Но, как дитя, наивен и открыт.

Яд ревности

Яд ревности бежит по венам
И отравляет кровотоки,
Ведёт к постыдным мизансценам,
Когда испуга холодок

От неожиданных вопросов
Струится мерзко вдоль спины.
Пора мучительных допросов
И осознание вины.

Прискорбно знать, что всё – напрасно,
Стезя упрёков – ложный путь.
Куражится небезопасно
Взметённая в разборках муть.

Токсин сомненья разъедает,
Сердечный учащает стук,
В подкорку мыслей проникает
И, словно каверзный паук,

Плетёт боязни паутину,
Переполняет злобой взгляд,
Комки улики бросает в спину,
Самокопаний строит ад.

Как в каверзном калейдоскопе,
Плодит кошмарные миры,
Уносит в яростном потоке,
Бросает в логово хандры.

Яд ревности, разъев аорту,
Готовит чувствам эшафот.
Быстрой – любовную реторту,
Сварить доверья антидот!

Уединенье в толпе

Он перешёл с собой на «вы»,
Искал в толпе уединенья.
Давно уж были не новы
Попытки мрачного забвенья,

Полночных пререканий муть
С правдивым нудным альтер эго,
Зеркал в рассветной дымке жуть,
Желанье нового побега

Из доморощенной тюрьмы,
Сооружённой добровольно.
Но как сбежать от кутерьмы,
Глумящейся самодовольно

С рассвета, с самого утра
До сновидений дряблой ночи?
Всё горше тяжкая хандра,
А просветленья всё короче.

Себе довольно трудно врать,
И диалоги бесконечны.
Слезливых рассуждений рать
Зеркальный клон кромсал беспечно

И предлагал на брудершафт
Признать ошибки откровенно,
Спалить обилие неправд,
Принять отверженность смиренно.

Он, перейдя с собой на «ты»,
Искал в толпе уединенья
От беспощадной прямоты
Души смятенной отраженья.

Стопудовый залог

Бог удачи медлит с визой
Вот уже который год.
Есть проблемы с экспертизой
Документов. А доход

Убывает постепенно,
Высыхает средств ручей,
Вяло бьёт, неполноценно
Чувств родник из-под камней.

Обмелела речка счастья —
У жены понурый вид.
Без достатка нет участия,
Голова всю ночь болит.

У меня расходов много
Набралось, хоть пруд пруди.
Может, примут для залога
Драгоценность в бигуди?

Очень крупный самородок —
Прелесть, золото моё.
Прикрывает подбородок
Эротичное бельё.

У неё глаза-озёра,
Где так просто утонуть,
В них без нового фарфора
Мерно плещет злобы ртуть.

За моря я не мотаюсь,
Не изведал океан,
Сидя в луже, прохлаждаюсь
Без зарплаты, истукан.

Дело сделаю благое.
Я готов внести заклад:
Заглядение родное —
Стопудовый ценный клад!

Счёт открыв в приличном банке,
Быстро визу получу
И женюсь на иностранке...
Уж её – озолочу!

Жизненный путь

Платформа Юность пролетела,
Как быстротечный сладкий сон.
Слонялся много я без дела,
Транжирил время, охламон.

А машинист состав с годами
Упорно гнал в седую даль.
Я переполнен был мечтами,
Не знал, что в мире есть печаль.

Романтик, по уши наивный,
Смотрел в окно, разинув рот.
Фон простирался позитивный,
Повсюду чудился Эрот

И полногрудые красотки
С ногами прямо от ушей —
Не в офисе переработки,
Не мельтешенье январей.

А поезд тяжелел конкретно,
Колёсных пар плодилась рать.
По капельке, малозаметно
Я стал от жизни уставать.

Промчался полустанок Зрелость,
И словно не было его.
Ушёл апломб, исчезла смелость,
На месте пива – молоко.

Уже вокзал маячит Старость
С плакатом: «Бренной жизни суть».
Обходчик убелённый – вялость —
Бредёт вдоль рельс в последний путь.

Гроши неверья

Сталактиты обвисших желаний
В подземелье стекают души.
Сталагмиты растут толкований
И невольню плодят миражи,

Чего не было даже в помине:
Этот гением помнит себя,
Победившим в крутой викторине,
Всех соперников в прах истребя.

Тот рисует себя ловеласом,
Донжуаном восторженных лет,
Говорит, что водился с Пегасом,
Сочинял за куплетом куплет.

Кто-то в жалких иллюзиях тонет,
Мнит: в богатстве и пышности жил,
Перед зеркалом пыльным фасонит,
Хоть последний пиджак заложил.

Просто были мы раньше моложе,
Лучезарно сияли года,
Без пигментных отметин на коже,
С ощущеньем: я телезвезда!

Принимались ошибки спокойно:
Мол, исправить их можно вполне,
Авантюры шли бесперебойно,
А сомненья топились в вине.

О здоровье не думалось даже,
Представлялся безмерным запас
Похождений в хмельном патронташе,
Сил взорвать эротичный фугас.

А теперь сталактиты мечтаний
Не свисают в промозглой тиши.
Душу рвут сталагмиты метаний,
Оскорбляют неверья гроши.

Вены напрасных обид

В башке пестрит винегрет из нашинкованных мыслей:
Кто виноват, а кто прав, где правда таится, где ложь?
Во рту вкус похмелья убогий и давяще-кислый,
В душе, на кончиках пальцев играет мелкая дрожь.

Больно калечат в ночи вериги самокопаний,
Режут тревогой раздумья гневных упрёков силки.
От приговора суда не стоит ждать состраданий —
Я, прокурор и судья, с собой обойдусь по-мужски.

Приволоку, скрипя, подборку признаний опасных,
Пусть адвоката-совесть охватит мучительный стыд.
Присяжных придётся отмыть от сомнений заразных,
Когда я вскрою прилюдно вены напрасных обид.

Сиротское счастье

Рыбные консервы – стол холостяка:
Сайра и горбуша, килька и треска.
Но зато свобода, чтоб не слушать визг
И не видеть мелких нареканий брызг.

Сласти агамиста – чёрный хлеб и соль.
Но намного легче брeнная юдоль
Без нападок едких, порицаний злых
И разборок нервных, как шрапнель, взрывных.

Бобылю не скучно ночи напролёт.
Но мечту увидеть аиста прилёт,
Что несёт ребёнка, ожидает крах.
Отклонив сомненья и запрятав страх,

Неженатый смело выбирает брак,
Получив в нагрузку яростность атак,
Приступы претензий, гнев по пустяку,
О сиротском счастье смутную тоску.

В ожидании тепла

Засвистит сверчок за печкой
Дополнением к теплу,
На свиданье с низкой свечкой
Я не трону полумглу.

Колыхаться будут тени,
В кружке пахнуть мятой чай,
Воспарит воображенье,
Унесёт в небесный рай.

Жизнь привидится безгрешной,
Без пороков и обид,
Равномерной и успешной,
Без проблем и панихид.

Ты появишься виденьем,
Разорвав полночный мрак,
И наполнишь вдохновеньем
Запылённый мой бардак.

Вспыхнешь, темень разгоняя,
Испаришься, как фантом.
Пламя нервное, мерцающая,
Мне напомнит о родном:

О любви осиротелой,
Недосказанности злой,
О душе оледенелой,
Жгучей страсти огневой.

Затрещит сверчок за печкой.
В ожидании тепла
На расстанусь с тусклой свечкой —
Буду ждать, чтоб ты пришла.

Запятая

Полустанок. Вьюжит. Ветер.
И за утром сразу вечер.
День декабрьский очень краток,
Ночь даёт густой осадок.

Юность, отрочество, детство,
Ожидание наследства,
Зрелость, старость пожилая,
Точка... Может, запятая?

Кино юной жизни

Скрипнет ступенька дощатой веранды
И впечатления детства вернёт:
Привкус люголя, опухшие гланды,
Чтение романов всю ночь напролёт,

Мелкую речку, тарзанку на иве,
Полуразрушенный паводком мост,
Жгучие иглы цветущей крапивы,
Преодоление на поле борозд,

Гроздья черёмухи, вяжущей сильно,
Так, что проблемно и слово сказать,
Ливни, секущие любвеобильно,
И молодую смешливую мать.

Звонкое эхо в душе отдаётся.
Господи, как же всё было давно!
Мне седовласому жутко неймётся
Пересмотреть юной жизни кино.

Дьявол и бесы

Там, где сам не поспевает,
Дьявол бабу подсылает.
И тогда, скажу я вам,
Начинается бедлам.

Здесь не так и то не это —
Раздражает цвет паркета:
Тот, который год назад
Куплен был не наугад.

Почему застряли дома?
Что за старческая кома?
Вот подруге через день
Ночью в клуб ходить не лень.

Безлактозная диета
В тренде для иммунитета,
И поэтому теперь
Для колбас закрыта дверь.

Броский макияж, колготы —
Не в семью, а на работу.
Потому сверх всяких мер
Процветает адюльтер.

У соседа всё моднее,
Всё ухоженной, новее.
А у нас который год
Не прополот огород.

Дьявол может веселиться,
Искушать не торопиться —
Бесов собственных с лихвой
В милой женщине любой!

Эклектичный

У дизайнера – палитра,
У распутника – постель,
У бухгалщика – пол-литра,
У художника – пастель.

Может мастер в хлам нажраться,
Живописец – лечь в кровать,
Алкоголик – рисоваться,
Декоратор – сочинять.

Сочетаю я отлично
Беллетристику, разврат —
То ваяю эстетично,
То пью старый «Арарат».

Штукатурю, крашу стены,
В день пишу по пять страниц,
«Принимаю» после смены,
Ублажаю светских львиц.

Непристойно эклектичен
Выпивоха-виртуоз.
Плодовит и эротичен,
Пьяных рифм распутный босс.

Нейросеть

Я эскизы создаю,
Нейросеть рисует.
Инстинктивно сознаю,
Что она рискует

Обвинённой быть в грехах,
В пропаганде порно.
Я парю в нагих мечтах,
Мыслю плодотворно.

Черты любимого лица

Люблю лицо... с роскошным бюстом,
Чтоб лифчик нежно-голубой,
Подобно двум тугим капустаам,
Как парус бился налитой,

Шуршал под взглядами игриво,
Блестел цепочкой золотой,
Торчал призывно и строптиво
В рабочий день и выходной.

Чтоб был неважен цвет оправы,
Насколько вычурны очки,
Глаза слезливы иль кровавы,
Расширены иль нет зрачки,

Какая форма у причёски,
Какой оттенок у волос,
Насколько тени с тушью броски,
Имеет ли горбинку нос,

Сколь разрумьянились ланиты,
Что в мочках брезжится ушей,
Как польхают губ софиты
На стыке хищных челюстей.

Волнами пусть идут морщины,
Пересекая лоб смурной,
Другое – счастье для мужчины.
Любой разборчивый плейбой

Утонет в трепетной лазури,
Забыв про возраст и покой,
Лишь только грудь запросит бури,
Мятежной страсти огневой!

Волшебный полёт

Кофе с ликёром – прекрасная пара,
Так дополняют друг друга они
В доме, на кухне, за стойкою бара,
С верным коллегой, в объятьях родни.

Пиво с шампанским – дуэт интересный,
Экстравагантный, игривый подчас,
Бьющий желаньями, неравновесный,
Неукротимый любовный фугас.

Мы составляем тандем бесподобный:
Крутим педали всю ночь напролёт.
Вкус нашей страсти пленительно-сдобный
Предвосхищает волшебный полёт.

Язык поэта

Язык – орудие поэта.
Он им шурует в темноте,
Когда на ужин лишь котлета
Да размышленья о посте.

Но он, не видя в том проблемы,
Целует руки пылких муз.
В кругу расхристанной богемы
Творцу доступен счастья вкус.

Упав к ногам стихов трёхстопных,
Готов он пятки им лизать,
Чтобы из метафор бесподобных
К утру шедевры изваять!

Гравёр человеческих душ

Звёзды всепрощения

Я укутаюсь пледом молчания,
Задремлю на подушке раздумий,
Окунусь в глубину подсознания
В предвкушении ярких безумий:

Фейерверка беспечной весёлости,
Огнепада радушных улыбок,
Размягчения внутренней чёрствости,
Осознания грубых ошибок.

Ночью в небо взметнусь без сомнения
И сорвусь метеором, сияя,
Принесу тебе звёзд всепрощения,
Раболепно к ногам припадая.

Аудит жизни

Сладкой грушей жизнь висит,
Соком истекает.
Смерть проводит аудит
И с косою играет.

Проверяет дел гроссбух:
Яркие свершенья,
Цепь дешёвых показух,
Стиль грехопаденья,

Пройденный нелёгкий путь,
Список обещаний,
Ядовитых козней ртуть,
Опись испытаний,

Формуляр благих забот,
Перечень иллюзий,
Каталог пустых хлопот,
Ведомость безвкусий.

Разбирает шорт-листы
Брачных объявлений,
Хитроумные финты
Правонарушений,

Инвентарь красивой лжи,
Что пошла во благо,
Недомолвок стеллажи
О проблемах брака,

Снимки видимых следов,
Уходящих в детство,
Табель пагубных часов
В поисках наследства.

Прейскурант любви шерстит,
Хит-парад обманов,
Завершает аудит
Оглавленьем планов.

Заключенье подписав
И составив мнение,
Убирает дело в шкаф,
Выдаёт решение.

Коль созрел и сладок плод —
Бьёт сплеча косою.
Преждевременен уход —
Ждёт, укрывшись Тьмою.

Прощание с диетой

Грубыми мазками
С резкой модуляцией,
Лёгкими слезами
Распрощаюсь с грацией.

Выброшу небрежно,
Что меня пресытило,
И порву мятежно
С ролью долгожителя.

Отпущу с балкона
Призрак голодания,
Литром самогона
Встречу процветание.

Скуксится диета,
Смеси безлактозные.
Замыслы банкета,
Планы грандиозные

Расцветут подспудно
И созреют радостно.
Я же безрассудно
Буду трескать яростно:

Колбасу и рульку,
Холодец с курятиной,
Масло, барабульку,
Соус с медвежатиной,

Сыр, омлет с беконом,
Карбонат с солянкою,
Коньячок с лимоном,
Яйца с запеканкою.

Испарится бледность,
Слабое давление.
К чёрту беспросветность
Долгого говения!

Здравствуй, ненасытность
И переедание,
Пуза миловидность,
Счастье возлияния,

Сладость без лимита,
Округленье талии,
Мощное либидо,
Страстные баталии!

Москва молодая

Без гранита тротуары,
Общепита в сквере нет —
Я нашёл у антиквара
Молодой Москвы портрет.

Чёрно-белый снимок мутный:
На дороге два авто,
Город словно в дымке ртутной,
Люди в драповых пальто,

В шерстяных рейтузах дети,
Аскетичности печать...
Мне хотелось до рассвета
Это фото целовать.

Обезвоженный

Жар во рту после селёдки
Охлажденья просит – водки.
Вобла свялена красиво —
Под неё годится пиво.
Полбуханки, два батона
Ожидают самогона.
Жизнерадостна картина,
Коли есть в графинах вина.
Приготовлены сосиски —
В рации старый виски.
После трапезы партнёры —
Сладострастные ликёры.
Гнуть в неволе плохо спину —
Пробку прочь, свободу джину!
Если день провёл ишача,
Восстановит силы чача.
Чтобы жить благоговейно,
Избегать нельзя портвейна.
Возбуждения цунами
Достигают коньяками!
Что сказать, друзья, про воду?..
Ну не пил её я сроду!

Демон постели

Я – гравёр человеческих душ:
Обхожусь без отметок на плоти,
Не использую иглы и тушь,
Вопреки невзыскательной моде.

Оставляю следы на века,
Игнорируя брненное тело,
Чтобы после с небес, свысока
Моё дело на землю глядело.

Эфемерное манит меня,
Что внутри – не пощупать руками.
От сомнений на сердце броня,
Я тружусь, упиваясь грехами.

Совращаю наивных легко,
Предлагаю очаг разведённой,
Обещанья даю широко,
С виду искренно, нежно влюблённый.

В арсенале – простой адюльтер,
Хитроумные сети интриги,
Подготовленность грязных афер
И надуманной страсти блицкриги.

Не свести моих оргий тату,
Несмываемы эти наколки,
Не найти антидот, кислоту,
Чтобы вытравить боль, кривотолки.

Я несу сладострастную чушь,
Сокрушающий демон постели.
Для меня впечатляющий куш —
Отпечаток в душе, не на теле!

Роботизация

На почте вовсе нет людей,
В борделях не найти блядей —
Повсюду роботы и куклы.
Андроиды довлеют, гуглы.

Робот-попрошайка

«Дай роботу на пропитанье
Хотя бы пару киловатт!
Слабеет микросхем сознание,
Тускнеет камер чёткий взгляд!» —

Стоит на паперти андроид,
Манипулятор протянув.
А мимо скачет гуманоид,
Вскользь диафрагмою моргнув.

Герой архаичной пьесы

Дребезжание трамвая на кругу,
Упираание реборд в стальные рельсы —
Это в прошлом. Из забытой старой пьесы,
Где детьми мы ели сладкую нугу,

Покупали бочковое молоко,
А кефир – в стеклянных с крышечкой бутылках,
На субботниках таскали торф в носилках,
Одевались в тёмно-синие трико.

Разливали по бидонам терпкий квас,
Запах хлеба плыл из булочных призывный,
Сильно грелся телевизор примитивный,
В каждом доме полосатый был матрас.

У подъездов – обязательно скамьи
Со старушками, галдящими, как птицы,
Обсуждающими сплетни, небылицы
И готовыми надолго дать взаймы.

В местном клубе – иностранное кино,
После – игры в Фантомаса и индейцев,
Самострелы и рогатки для гвардейцев,
На бульварах, у беседок – домино.

Электробусы шныряют в тишине,
Словно зубы, поведёргивали рельсы.
Я – седой герой из архаичной пьесы,
Не привыкнуть никогда мне к новизне!

За водкой

След калош протоптан в настe,
Словно ехал луноход,
По велению фантаста
Совершая переход

По планете отдалённой,
Где безмолвья гнёт тяжёл...
А на деле, раздражённый,
Я за водкой в лавку брёл.

Предчувствие весны

В пёсых метках белый снег —
Янтаря вкрапления.
Впереди весны разбег,
Знаки потепления:

Сердца учащённый стук,
Ледоход влюблённости,
Подтопление разлук
В струях благосклонности,

Безмятежности пастель,
Почки первой радости,
Восхищения свирель
И объятий сладости,

Чувство: взял и улетел
Из обиды кокона,
Воздержания предел,
Возмужанье органа.

Оседают рыхлый снег —
Зимние развалины.
На душе – капли трек,
Нежности проталины.

В сетке ажурных чулок

Сердце рвётся из рёберной клетки
Под напором коварных метресс:
Наготой возбуждают кокетки,
Дразнят взгляды чудных поэтесс.

Кто придумал губную помаду,
Этот дерзкий багряный окрас,
Для голодного взора усладу?
Понимающий был ловелас!

В косметичке оттенков палитра —
У художника меньше цветов.
Макияж, если сделан он хитро,
Укрощает и львов, и ослов.

Кольца, серьги и люкс бриллиантов,
Декольте, ожерелье над ним
Предвещают погибель вагантов,
Променявших стихи на интим.

Шлейф ночного парфюма – приманка
Для наивных, лиричных синиц,
Как для наглых котов – валерьянка,
Что пьянит и лишает границ.

Сердце клетку ломает, заразу,
Ощущая шальной кровотоки.
Упорхнув, будет поймано сразу
Сеткой первых ажурных чулок.

Монолог боли

Боль отступает постепенно,
Похожа на морской отлив,
Жуёт и колет неизменно,
Играя жалобный мотив.

Калечит тёплые желанья,
Шипя ехидно: «Он с другой».
Плодит гнетущие метанья:
«Куда девался дорогой?»

Наедине с собой ты плачешь,
Звонишь знакомым всякий раз,
Взгляд на работе в угол прячешь,
Скрывая покрасненье глаз.

Не ищешь дружеских советов —
Они от муки не спасут.
Считаешь, нет простых ответов,
Сама себя ведёшь на суд.

Потом принятие, смиреньё
И долгожданный компромисс.
Благословенное решенье —
Не сигануть с балкона вниз.

Уходит ревность постепенно.
Светлеет пасмурная грусть.
Боль шепчет ночью откровенно:
«Не расслабляйся, я вернусь!»

Засыпание

Отчего так благостно ночью засыпать —
Понарошку вроде бы можно помирать.

Темнота забвения, призрачные сны
Под сияньем мертвенным скаредной Луны.

В снах фантазмагория, в них и рай, и ад,
Прошлые истории, планов хит-парад,

Смесь тревог непознанных, праздников, борьбы
И желанье радужной, сказочной судьбы.

Утро бледно-нежное – хлёсткий апперкот —
Возвращает истоиво в круг пустых забот.

Мини-воскрешение – радостный финал,
Ощущенье вечности, жизни сериал.

Это – назидание, как пройти свой путь
И впитать придирчиво умиранья суть.

Умиротворение

Снег белилами прошёл
По деревьям и кустам,
Роем мелких белых пчёл
Разлетелся по садам,

Внёс внезапно чистоту
В городское бдение.
Успокоил суету.
Умиротворение.

В чулане

В чуланной темноте опрятной
Хранятся лыжи и коньки —
Во тьме крошечной, непроглядной
Проводят тёплые деньки.

Им неприятна сухость быта,
Дощатых полок антураж,
Что дверь всегда на ключ закрыта,
Уныл пропыленный пейзаж.

Они хотят невинность снега,
Блестящую поверхность льда.
Всегда готовы для пробега,
Чужда им душная среда.

В мечтах их – полдень лучезарный,
Хрустящий искромётный наст,
Морозный ясный день шикарный,
Не в упаковках пенопласт.

Желанья сбудутся, ведь лето
Уйдёт, закончив пылкий труд.
Метель на жар наложит вето.
На полках ролики уснут.

Всё относительно

Икра минтая бесподобна,
Когда другой не знаешь ты, —
Мелкозерниста и съедобна,
Доступна в рамках нищеты.

С женой преклонных лет терпима
Жизнь без молоденьких метресс,
Не феерична, постижима,
Поскольку спит любовный стресс.

Ваятель настроения

Есть упоение враньём,
Иллюзии создание,
Когда немислимый подъём
Возводит быстро здание

Невероятной яркой лжи,
Призывной и блистательной,
Вздыхая шустро этажи,
Обман скрывая тщательно.

Фундамент должен содержать
Бетон благоразумия
И на своих плечах держать
Конструкцию безумия.

Парадный вход – манить войти
И окунуться в таинство,
Прельщать: мол, ждёт в конце пути
Приятное беспамятство.

Правдивых кирпичей, найдя,
Добавить бы желательно,
Чтобы, доверие будя,
Торчали показательно.

А дальше – строить до небес,
Без капельки стеснения.
Любой рассказчик – ловкий бес,
Ваятель настроения!

Потомственный пират

Есть на кухне винный шкаф.
Гордо голову задрав,
Я иду на abordаж.
Фонтанирует кураж,

Заставляет быть смелей
В мельтешенье блеклых дней,
Проявить завидный пыл,
Воспарить легко без крыл,

Гордо вскинуть чёрный флаг
На глазах у всех зевак,
Выйти храбро на карниз,
Запустить бутылкой вниз...

Кончится ямайский ром,
Пред распахнутым окном
Напишу записку: «SOS!
Жизнь несётся под откос!»

Пробку в горлышко вобью,
Не приученный к нытью,
Не отправлю в океан,
А, закончив балаган,

Подниму все паруса
За каких-то полчаса,
Быстро с якоря снимусь
И... пойду горой за Русь!

Я – потомственный пират,
В бурном море нарасхват...
Слава богу, что уснул,
Не топил и не тонул.

На нудистском пляже

Клипсы плеера в ушах,
Я лежу раздетый,
Чертыхаюсь впопыхах,
Как я, многодетный,

Угодил нагой на пляж?
Кто меня подначил?
Может мне грозит шантаж?
Пил, курил, чудачил,

Но такого не хотел,
Честно, бог – свидетель!
Что вокруг за беспредел?
Где ты, добродетель!

Помню офис, вкус вина,
После – дым кальяна,
Бар, стриптиз и тишина,
Сладкая нирвана.

Кто меня чем опоил,
Завтра я узнаю.
А сейчас, нагой дебил,
Срам свой прикрываю.

Бонус

Драгоценный яхонт сердца,
Трезвых мыслей малахит,
Идиллическое скерцо,
Бездуховности лимит,

Яркость вычурных фантазий,
Поэтический задор,
Колорит смешных okazji
И невиданный фурор,

Шелест трепетных признаний,
Смеха звонкого хрусталь,
Оправданье опозданий,
Дачной жизни пастораль,

Романтические вздохи
Под янтарною Луной,
Огорчений лёгких крохи,
Предложение стать женой —

Я готов, собравшись с духом,
Принести к ногам твоим...
Потому что даже шлюхам
Нужен бонус за интим!

Садовник несбыточных планов

Золото листвы

Уходит лето понемногу
В неверном свете фонаря,
Даёт промозглости дорогу,
Объятаям стылым ноябрю.

Уносит трели птиц в кошёлке,
Наполнив термос дней теплом,
Творит узор на сером шёлке,
Лазурь с небес содрав чулком.

Уводит, как овец кудрявых,
В даль кучевые облака.
И через небосвод дырявый
Струятся ливни свысока.

Уговорить нельзя остаться —
Кредит потрачен синевы.
Но осень сможет рассчитаться
За лето золотом листвы.

Птенец полночных сказок

Я – птенец полночных сказок,
Затерявшийся в мечтах,
В карнавале полумасок,
Удивительных мирах.

Город спит, уставший за день,
В тусклом мареве реклам,
В подворотнях непригляден,
Неухожен по углам.

Я не вижу недостатков —
Их скрывает ловко мгла.
Без авральных отпечатков
Ночь беззвёздная мила.

У меня в душе сумбурность.
Сиротливость-визави
Утверждает: авантюренность
Не способствует любви.

Надо действовать спокойно,
Сделать правильный расчёт.
Страсть коварна, многослойна.
Важен быт, доход, почёт.

Тут же вносит антитезу:
Мол, без риска жизнь скучна,
И, подобно злomu бесу,
Издевается сполна.

Хочется в дупле забвенья,
На перине дремоты
Видеть счастья сновиденья —
В них всегда воркуешь ты.

Лиричный балласт

Я – садовник несбыточных планов,
Архитектор возвышенных слов,
Низвергатель отживших титанов,
Заскорузлых обид крысолов.

Я – старатель заброшенной жилы
В оскудевшей долине страстей,
Постоялец любовной могилы,
Флибустьер пересохших морей.

Не сгодился в реальности грубой
Моей хрупкой души пенопласт —
Был растерзан судьбой саблезубой,
Как ненужный лиричный балласт.

Ночью

Ночь укутала мир покрывалом безмолвья,
А из крана вода равномерно сочится,
Да так хлюпает, будто бы у изголовья
Яйца хлопают хлѣстко по двум ягодицам.

Матёрый ловелас

Слайд-шоу моих пожеланий —
Затейливый порнорассказ,
В нём нету душевных метаний,
Напрасных обид напоказ.

Цветёт возбуждение пышно
От чёрных ажурных чулок,
В соку сладострастия вишня,
Бурлящий весной кровоток.

Преследует жажда объятий,
Сжигающих всё на пути,
Интимных полночных занятий,
Дарующих ласк ассорти.

В фаворе Эрота погоня
За тенью любовных утех,
Воркующих: «Определённо,
Приятен распутности грех!»

С годами, как это ни странно,
Растёт половой аппетит,
Влечёт адюльтер постоянно,
А пресная верность – претит.

Охота сильнее неволи —
В постели изрядно чудить,
Устраивать секса гастроли
И фарт наготовю дразнить.

Сменяется кризис подъёмом,
На похоть – устойчивый спрос,
Назло перманентным обломам,
Решил я пуститься вразнос!

Моих пожеланий слайд-шоу —
Поэма страстей, не рассказ.
Готовьтесь, развратницы, к бою,
Матёрый вас ждёт ловелас!

Тяжкий быт

Я состою в двенадцати секс-чатах
И отправляю сообщения каждый час,
Запутался в разнузданных развратах,
Непревзойдённый беспринципный ловелас.

Одну оставил, со второй гуляю,
Готовлю третью для постели не спеша,
Улыбкой белозубою сияю,
С четвёртой дамой ненароком согреша.

Гроссбух побед распух неимоверно —
Я совращаю и нимфеток, и матрон,
Ведь двигаюсь к соитию планомерно.
Во мне фонтаном яро бьёт тестостерон.

Мои всеильны дьявольские чары,
Простушки-мухи гибнут в каверзных сетях.
Паук, я сочиняю мемуары
Об обнажённых ягодицах и локтях,

Округлых возбуждающих коленях,
Открытых взору откровенных декольте,
Таинственных альковных светотенях
От непристойных в голом виде фуэте.

Вошла жена... Иссякнул шлейф интима,
Фантом эротики рассеялся в делах,
Заботы навалились обозримо,
А наслажденье превратилось мигом в прах.

Я вышел из двенадцати секс-чатов,
Не посылаю эсэмэски молодым,
Запутался в хозяйственных дебатах.
О тяжкий быт! Любовь развеялась, как дым.

На заре

Распалилось солнце смело,
Заалело на заре.
Роза вторит ей умело
Лепестками в хрустале.

Ты зарделась от смущенья,
На щеках – пурпурный цвет.
Очень важен для общенья
Первый грамотный минет.

Старый писака

Я писал на алголе и знал перфоленту,
Перфокарты колодами в сумке носил,
Помогал безвозмездно в работе доценту,
В зал дисплейный отладить программы спешил.

В интернете теперь я строчу откровенно.
Седина в волосах, бес стучится в ребро.
Восхваляю эротику самозабвенно,
Близорукие очи прищулив хитро!

Градусник

В постели с нею не уснуть.
Изнемогаю в ожиданье:
Отправиться в интимный путь,
Прервать напрасные терзанья

И, словно в градуснике ртуть,
Окончив глупые метанья,
Её холодность обмануть,
Разогреваясь от желанья,

В подмышку левую нырнуть,
Почувствовать, как пышет грудь.

Программистки

Девушки-программеры —
Как морские свинки:
Снизу попки скошены,
Сколиозны спинки,
Славны, не заброшены
И для фотокамеры
В неглиже пикантны,
Но инвариантны.

Мужской желудок

Желудок, где сердце живёт у мужчины,
Подобен хорошей, добротной резине —
При встрече мадам примет он деликатно,
Потом оторвнёт без стеснения обратно.

Распустившийся

Я распустился – лепесток.
Меня согрела радость мая.
Оставив стебель и горшок,
Летал, о подвигах мечтая.

Я распустился, как шнурок.
В ногах игриво пресмыкаясь,
Следил за грацией чулок,
В поклонах лестно рассыпаясь.

Я распустился – парашют.
Смог уберечься в миг сомненья,
Семейный мягкий спас уют
От страшного грехопаденья.

Грядущее лето

Грядущее я вспомнил лето,
Как хорошо мне станет в нём,
Жизнь будет счастливо согрета
Закатным пламенным огнём.

Уже плоды созреют мыслей,
Не догорят добра дрова,
Я распрощаюсь со столицей
Не в ожиданье волшебства,

А по душевному порыву,
Раздав долги, закрыв дела.
Внесу в сценарий коррективу,
Спалив запас обид дотла.

Укутанный плащом природы,
Внимая запахам цветов,
Копаться буду в огороде
До написания стихов,

Мечтать спокойно о прошедшем,
Недостижимом и родном,
Давно стремительно отцветшем —
Без извещения, тайком.

Наивны грёзы, безмятежны —
Пройти повторно бранный путь.
Они, как океан, безбрежны.
Мне б только в них не утонуть!

Брошенная перчатка

С ватагой мыслей ночь наедине
Меня толкает в бездну безрассудства.
Я утопаю в косвенной вине
И каюсь в возмутительном беспутстве.

Припоминаю каждый глупый шаг,
Корю себя за дни грехопаденья,
Через критичной робости дуршлаг
Отсеиваю скверные мгновенья.

Но тут же, обвинения спалив,
Я нахожу порокам оправданье,
Прикрыв позорных сведений архив
Наивной отговоркой, словно тканью.

Потом грядёт неистовый апломб —
Перехожу стремительно в атаку.
Самокопаний церебральный тромб
Остановить в душе способен драку.

До тех же пор фехтую сам с собой,
Рублю с размаха смело правду-матку.
Смешной закомплексованный герой,
Своей я бросил совести перчатку.

В подзорную трубу

Смотрю на жизнь в подзорную трубу.
Сквозь лет туман я вижу детства землю.
Приятно ощущаю удобу
И окруженье радостно приемлю.

Маячат острова удачных дел,
В походах бурных познанная суша,
Сплетенье юных загорелых тел,
А в рюкзаках – тушёнка и горбуша.

Видны проливы тягостных разлук,
Песчаные разрушенные замки,
Следы очаровательных подруг
И свадебное фото в хрупкой рамке,

Рубцы семейных яростных штормов,
С наследниками штили отчуждения,
Остовы в гневе сожженных мостов,
Заснеженные пики вдохновенья.

Перевернул трубу концом другим
И заглянул в колодезную бездну —
Всё стало дальним, призрачным, чужим...
Я понял – так же в будущем исчезну.